

Лица Победы

Последний рубеж

Четыре истории о войне

3. Желанная баба Лена

Квартирка у бабы Лены – Елены Павловны Некрасовой – веселая. Обои в розовых цветах по светлому полю, розовые покрывала на кровати и диване, светлый сервант с резными дверками, журнальный столик, светлый с розовыми оттенками палас и коврики. От этого розового цвета комната кажется полной солнца, хотя окно ее выходит на север.

«Обои эти я сама выбирала, – смеется баба Лена, довольная, что нам у нее понравилось. – Мы когда сюда заселились, обои были такие невзрачные, зеленые. Ну я и купила эти. А внучке они сначала не понравились. Я расстроилась, хотела поехать в магазин обменять, а чека нету, куда-то дела... Поклеили эти – и видите как получилось...»

Живет баба Лена в доме ветеранов на Калининском четвертый год. Одна живет: «Я еще на своих ногах, в здравом уме и памяти. Читаю, и вашу газету читаю, все страницы «Лица Победы» собираю. Смотрю телевизор, шью, вяжу. Блины почти каждый день пеку. Правнук из школы приходит обедать, он любит. Здесь в поселке и дочка живет, и внучка – ежели что, всегда тут».

«Я когда прописываться пришла в сельсовет, одна молодая тоже зачем-то туда пришла, вот она и говорит: «Такие квартиры бабкам бесплатно дают». А я говорю: «Доча, да бабки эти квартиры еще в войну отработали». Об этом эпизоде от бабы Лены я уже слышала. Но ни тогда ни сейчас в голосе ее не звучала интонация обиды или осуждения: «Далеко от них война. А с нами всегда...»

...В 1941-м Лене шестнадцать было. Только семилетку закончила. Но учиться дальше не пришлось. В семье из троих довоенных детей она была старшая. В колхоз пошла работать. У нас в Дмитриевке тогда два колхоза было – «Путь Ленина» и «Путь Сталина», и в каждом колхозе по восемь бригад. Деревня большая. Мы на конце деревни жили, где пригорок. До этого пригорка все село ходило провожать новобранцев. Бабы голосили. И частушки под гармошку были – русские же! Характер! Как в песне: «Не скулите вы по мне ради бога!..» Первый месяц-два чуть ли не каждый день провожали. Пока мужиков не осталось никого, одни подростки да деды.

У нас в бригаде один дед Горюн остался. Беда наша и выручка. Косы отбивал, пилы точил, за упряжью конской следил и за конями. Весной, летом и осенью мы на полях и лугах

работали. А зимой на лесозаготовку отправляли. Был такой поселок, Гарь назывался, вот туда. Деревья двуручной пилой пилили бо-ольшие, под 25 метров. Случалось, как ветром верхушку завернет, и падает дерево не туда, куда его направляешь, одну девчонку из Усманки убило».

В деревне этой полузаброшенной девчата со всей округи и жили. На полу спали, варили нехитрый обед из того, что из дома с собой взяли. Однажды приехал дед из Дмитриевки, привез сено коням. С этим дедом и поехали трое девчонок в деревню за картошкой. Поехали за продуктами, а оказались в милиции в Чебулах. Председатель колхоза позвонил, мол, сбежали девчонки. «Три дня мы в КПЗ томились. Думала, посадят, – рассказывает баба Лена. – Хорошо моя тетя Настя похлопотала, она передовица была, депутат Верховного Совета. Бабы дмитриевские на того председателя напали: «Погоди, вернутся с фронта наши мужики...». А он и сам уж испугался: «Я, говорит, пошутить хотел, припугнуть девчонок...»

Однако ж шуточки у председателя, в такое-то время – подумалось мне. А баба Лена ничего, рассказывает просто, как будто и не с ней это было: «Он думал, что мы дезертировали, а мы исть хотели».

«Я еще вот какую историю расскажу, – продолжает баба Лена. – У меня брат был двоюродный Паша, сын той самой тети Насти. Ушел он на войну в самом начале. У него жена осталась молодая, Ниной звали, ребенок только что родился. И вскорости пришла на него похоронка. Убили, значит, Пашу. И вот где-то в конце войны Нина и говорит свекрови: «Мам, тут физрук ко мне сватается. Можно мне за него выйти». Физрук тот раненый с фронта пришел. Ну тетя Настя говорит: «Выходи, дочка, конечно. Жизнь есть жизнь. Пашу уже не вернешь». А Паша, оказывается, не погиб. Был все эти годы в плену в Германии. Там, в концлагере, его купила одна немка. И он работал у нее, за скотиной ходил и вместе с этой скотиной в сарае жил. Наши освободили пленных. Тут скоро надо было семью офицерскую в Новосибирск перевезти. И вот их спрашивают: кто из Сибири? Паша говорит – я. Его и отправили. Из Новосибирска он домой поехал. Приехал в Мариинск уже вечером. Ждать утра не стал, пошел в Дмитриевку пешком. Пришел ночью. Стучится. Тетя спрашивает: «Кто там?» Он говорит: «Мама, это я Паша». Мать в обморок

Елена Павловна Некрасова

Павел Тимофеевич Некрасов (слева). Германия. 1945 г.

Павел Михайлович Заруцкий

Очнулась. В хату бросилась, деду на печке говорит: «Тятя, мне Паша привиделся...» Ну поговорили они, прислушались – все тихо. Вышла она опять в сени. Как дверь открыла на улицу, увидела сына и в обморок опять... Утром вся деревня сбежалась на Пашу воскресшего смотреть. Узнал он, что жена его замуж вышла, уже беременная. Пошел к ей. Поговорили они, погоревали и решили оставить все как есть. Паша потом во второй раз женился. Вот ведь какая история – как в кино!..»

«Как в кино» вообще вся семейная история Елены Павловны. Бабушка ее по линии матери много лет в Китае прожила: муж в Харбине служил вольнонаемным чином, а она на офицеров стирала. «Ой много чего знала, хотя и неграмотная была». А по линии отца я из рода Заруцких. До сих пор отцову записную книжку храню, – показывает баба Лена. А в ней записей о Заруцких страниц с десятком – имя, фамилия, отчество, когда родился, когда умер. «И это еще не все. Когда отцу понадобилось новые

метрики выписать, поехала я в ЗАГС в Чебулы. Так работница ЗАГСа достала семь вот таких книг, Заруцких в них много, даже не знаю сколько. Они поляки были, сосланные при царе в Сибирь. Во тема для исследования!.. А вы Владимира Ильича Заруцкого знаете? Он руководителем ансамбля «Веселуха» был, – спрашивает баба Лена и довольная улыбается, – кто ж в Мариинске Заруцкого не знает?! – Так это мой двоюродный брат. Заруцкие все песенники были, играли на всяких инструментах. И я пела. Бывало, едем с покоса, меня, девчонку, бабы посадят в середину телеги и говорят: учись песни вытягивать... Тогда народ желанный был...»

Этот эпитет «желанный» звучит в рассказах бабы Лены то и дело. Я не спрашиваю, что она имеет в виду. И так понятно. «Желанный» звучит, когда баба Лена кого-то одобряет, рассказывает, как люди поддерживали друг друга, делились последним, как принимали эвакуированных, сочувствовали депортированным «нашим немцам», как встречали каждого вернувшегося фронтовика... Желанный – значит, приветливый, доброжелательный, отзывчивый.

Говорит баба Лена, как ручеек журчит, без остановки.

Сама она после войны закончила в Мариинске курсы счетоводов и секретарей и была направлена в школу № 9, потом работала бухгалтером в школе № 12, а последние несколько лет на нефтебазе. «Так знаешь, доча, у меня сколько стажу – 45 лет! Шесть медалей! Я надела их на День Победы. А один – корреспондент что ли – спрашивает: «Бабушка, не мужевы ли вы медали надели? Нет, говорю, сынок, у меня свои!» Муж у меня рано умер – фронтовик был. И отец тоже фронтовик. Их фотокарточек у меня много было, да пораздала все. То школьники придут просят, то с педучилища. Какие у дочери, у внучек – их у меня две и четыре правнука».

Рассказывает баба Лена про свою нехитрую жизнь. И все у нее выходит как-то просто: туге становится – непременно откуда-то и от кого-то помощь приходит. Так и с квартирой получилось, когда ее дом в упадок пришел.

«На поселке у двенадцатой школы много лет я прожила. Жалко было уходить. А теперь у меня здесь соседки такие же как я – вдовы, ветераны, подруги желанные. Вы и к ним сходите. Они тоже войну пережили. Не дай Бог!..»

Валентина СЕЕТ.

(Продолжение следует.
Начало в №№ 77, 81
за 16 и 30 октября с.г.)